

Медленный закат

С 1755 года иностранные дипломаты стали жаловаться на особенное замедление дел в Петербурге: аудиенции откладывались, бумаги подолгу ждали императорской подписи. Причиной этого являлось серьезное ухудшение здоровья Елизаветы. Второго октября Уильямс сообщал, что «она кашляет кровью, у нее астма, она кашляет все время, ноги у нее пухнут, и у нее водянка груди». Кроме того, стремление скрыть наступающую старость заставляло императрицу часами трудиться у зеркала над своей внешностью. Между тем государственные дела не могли ждать в условиях сложной международной обстановки, связанной с ожиданием и началом Семилетней войны. Четырнадцатого марта 1756 года Елизавета Петровна после долгих колебаний согласилась на создание чрезвычайного высшего органа – Конференции при высочайшем дворе, которая должна была заниматься разработкой комплекса мер, направленных против Пруссии. Членами нового учреждения (конференц-министрами) стали наиболее влиятельные и компетентные сановники А.П. и М.П. Бестужевы-Рюмины, А.И. и П.И. Шуваловы, М.И. Воронцов, Н.Ю. Трубецкой, С.Ф. Апраксин, А.Б. Бутурлин и М.М. Голицын, а также наследник престола Петр Федорович. 6 сентября 1756 года Елизавета Петровна произвела Апраксина, Бутурлина и Трубецкого в генерал-фельдмаршалы, а Голицына – в генерал-адмиралы. В том же месяце Апраксин и Михаил Бестужев-Рюмин выбыли из Конференции, поскольку первый из них был назначен главнокомандующим действующей армией, а второй отправился во Францию в качестве посла. Петр Федорович почти не участвовал в работе учреждения, а с мая 1757 года перестал появляться на его заседаниях. В декабре того же года из Конференции выбыл тяжело больной Голицын.

Нежелание Елизаветы Петровны создать учреждение наподобие Верховного тайного совета или Кабинета министров привело к тому, что Конференция не получила официально установленного организационного устройства. Н.И. Панин не без основания считал, что она – «монстер, ни на что не похожий», поскольку «не было в ней ничего учрежденного, следовательно, все безответное». Императрица не приняла никакого устава или регламента, определяющего функции, компетенцию, штат и структуру нового высшего органа, поэтому все детали его устройства были установлены самими конференц-министрами в ходе практической работы. Круг ведения Конференции определялся ею столь же произвольно и включал в себя дипломатические, военные, финансовые, административные и прочие дела, которые не всегда имели отношение к войне России с Пруссией. Кроме того, Елизавета Петровна использовала это учреждение для скорейшего проведения в жизнь «высочайших повелений» по самым разнообразным вопросам, попадавшим в поле ее зрения. «Изустные» именные указы объявляли на заседаниях конференц-министров преимущественно Петр и Александр Шуваловы и Бутурлин, являвшиеся, помимо всех своих должностей, генерал-адъютантами императрицы и посменно дежурившие у ее покоев на случай «самонужнейших ее величества поручений». Реже Елизавета передавала Конференции свои указы через Трубецкого, Воронцова или Ивана Шувалова, который в таких случаях являлся на «министерские заседания». Большинство текущих дел

Конференция решала самостоятельно, но важнейшие вопросы докладывались императрице, и она выносила по ним свои резолюции.

Примерно один раз в три месяца Елизавета лично присутствовала на заседаниях конференц-министров, которые в таких случаях старались добиться от нее решения наиболее важных дел. В числе их был вопрос о секуляризации монастырских земель, возобновленный в связи с трудностями военного времени. Непосредственным поводом для этого послужили отказы монастырских властей принимать «для пропитания» отставных офицеров и солдат, как было принято еще с петровского времени. Восемнадцатого января 1757 года Елизавета строго указала определять отставных в монастыри, «не чиня ни малейшего в содержании их оскорбления под опасением... тяжкого гнева и штрафа». Проявленное императрицей недовольство было использовано конференц-министрами, сумевшими увязать вопрос об оставленных без приюта ветеранах с необходимостью введения светского управления в монастырских вотчинах. Тридцатого сентября того же года на заседании Конференции Елизавета Петровна приняла решение об установлении контроля над доходами русской Церкви и отчислении из них средств на создание «инвалидных домов». Она распорядилась также передать монастырские имения под управление отставных офицеров, «дабы духовный чин не был отягощаем мирскими попечениями». При Елизавете эти указания осуществить уже не удалось, но они стали юридической основой для решительных секуляризационных мер Петра III.

Императрица присутствовала в Конференции 30 сентября 1757 года, только что оправившись после сильного приступа болезни. Восьмого сентября в Царском Селе она упала в обморок и более двух часов оставалась в бесчувственном состоянии, а потом в течение нескольких дней с трудом владела языком. Болезнь Елизаветы, казавшаяся смертельной, заставляла многих сановников задумываться о будущем. Активнее других оказался А.П. Бестужев-Рюмин, который сделал ставку на Екатерину и разработал проект ее воцарения в обход Петра Федоровича, хотя сама она в то время больше рассчитывала стать соправительницей мужа. Друг канцлера Апраксин оттягивал решительные действия против Пруссии, предполагая изменения внешнеполитического курса страны в случае смерти Елизаветы Петровны. Бестужев в своих письмах главнокомандующему убеждал его не откладывать начало кампании и для большей убедительности попросил Екатерину письменно присоединиться к этим увещеваниям. Девятнадцатого августа 1757 года русская армия одержала победу над пруссаками у деревни Гросс-Егерсдорф, но затем Апраксин начал поспешное отступление, совпавшее по времени с обострением болезни Елизаветы. Однако она поправилась и 16 октября сместила Апраксина с поста главнокомандующего, а затем отдала приказ о его аресте по обвинению в измене. В ходе следствия у него были найдены письма Бестужева и Екатерины, что дало основание для ареста канцлера 14 февраля 1758 года. Письма Апраксину не содержали ничего предосудительного, а другие бумаги Бестужев успел сжечь. Но, несмотря на отсутствие улик, следственная комиссия в составе трех врагов канцлера – Бутурлина, Трубецкого и Александра Шувалова – больше года пыталась изобличить его в государственных преступлениях. В конце концов он был обвинен в «оскорблении Величества» все на том же основании, что давал советы главнокомандующему и просил подтверждения их у Екатерины. Это было представлено так,

будто бы он «вводил соправителей и сам соправителем делался», осмелившись посылать рекомендации Апраксину, словно тому мало было императорских указов о немедленном начале военных действий. Таким образом, расчет врагов Бестужева был сделан на щепетильность Елизаветы в отношении своей самодержавной власти. Комиссия приговорила обвиняемого к смертной казни, которую императрица заменила ссылкой в деревню. Екатерину Елизавета Петровна дважды допрашивала лично и, по всей видимости, не поверила в ее невиновность, но не стала ничего против нее предпринимать. Что же касается Апраксина, то он не дождался окончания следствия и умер 6 августа 1758 года.

Интриги Бестужева-Рюмина в вопросе о престолонаследии явились скорее поводом, чем причиной его падения, которое было predetermined резким изменением международной ситуации накануне Семилетней войны. Канцлер строил свою «политическую систему» на союзе с Австрией и Англией и противостоянии Пруссии и Франции. Но в январе 1756 года английский король Георг II заключил дружественный договор с Фридрихом II, после чего Австрия была вынуждена вступить в союз с Францией. Система Бестужева рухнула, но он со свойственным ему упрямством продолжал настаивать на получении Россией английских субсидий и противился ее сближению с Францией. До того времени Елизавета Петровна полностью доверяла опыту и способностям канцлера, считала его незаменимым и оберегала от нападков недоброжелателей. Она сходилась с ним во мнении о необходимости противостоять Пруссии. Но враждебное отношение Бестужева к Франции шло вразрез с симпатиями императрицы, которая следовала антифранцузскому курсу лишь в силу условий международной жизни. Теперь условия изменились, и канцлер стал помехой той политике, которую Елизавета Петровна не без основания считала разумной. Сторонники сближения с Францией во главе с Иваном Шуваловым и Михаилом Воронцовым ждали лишь повода для устранения Бестужева-Рюмина, и он по неосторожности сам его предоставил. Падение Бестужева открыло Воронцову путь к вершине карьеры: 23 октября 1758 года Елизавета произвела его в канцлеры.

Последние годы елизаветинского правления отмечены усилением должностных злоупотреблений, виновником которых современники называли Петра Шувалова. По словам М.М. Щербатова, «с возвышением его неправосудие чинилось с наглостью, законы стали презираться, и мздоимства стали явные. Ибо довольно было быть любиму и защищаему им, графом Шуваловым... чтобы, не страшась ничего, всякие неправосудия делать и народ взятками разорять. Самый Сенат, трепетав его власти, принужден был хотениям его повиноваться...». В других источниках виновниками усилившейся коррупции называются наряду с П.И. Шуваловым его друзья: генерал-прокурор Сената Н.Ю. Трубецкой и обер-прокурор А.И. Глебов. В купечестве рассуждали о том, что «челобитчики плачут на сенаторов, что праведного суда нет, все воры, а она (Елизавета. – В.Н.) только и говорит: «Что мне с Сенатом делать, что мне с Сенатом делать?» И.И. Шувалов призывал: «Всемиловитейшая государыня, воззрите на плачевное многих людей состояние, стнящих под игом неправосудия, нападков, грабежей и разорений».

В середине 1760 года Елизавета Петровна предприняла ряд мер по устранению злоупотреблений и упорядочению кадров высших чиновников. Конференция получила распоряжение императрицы представить кандидатов на вакантные должности в государственном аппарате и подготовила соответствующий доклад. Елизавета Петровна не согласилась с рекомендациями конференц-министров в одиннадцати случаях из пятидесяти восьми. Например, она отказалась сделать членами Конференции своих фаворитов А.Г. Разумовского и И.И. Шувалова, а на должность вице-президента Мануфактур-коллегии вместо рекомендованного немца назначила по своему обыкновению русского. Елизавета сместила с прокурорских постов в Сенате Трубецкого и Глебова, назначив генерал-прокурором известного своей принципиальностью Я.П. Шаховского, который одновременно стал членом Конференции. Место обер-прокурора Сената получил ближайший друг И.И. Шувалова И.Г. Чернышев. Но снятые с должностей чиновники получили не менее почетные назначения в строгом соответствии с прежними рангами. Трубецкой занял вакантное место президента Военной коллегии и стал сенатором, а Глебов был назначен генерал-кригс-комиссаром (руководителем снабжения армии), кем до него являлся Шаховской. Сенат пополнился новыми членами, в числе которых были как личный враг П.И. Шувалова Р.И. Воронцов, так и А.И. Шувалов. В целом все эти тщательно продуманные назначения никому не дали повода для обиды, но в то же время уравновесили чрезмерное влияние Петра Шувалова и его друзей. Указ о кадровых перемещениях был подписан Елизаветой Петровной 16 августа 1760 года одновременно с указом «О употреблении Сенату всех способов к восстановлению везде надлежащего порядка и народного благосостояния». В этом императорском акте отмечалось, что «установленные многие законы для блаженства и благосостояния Государства своего исполнения не имеют от внутренних общих неприятелей, которые свою незаконную прибыль присяге и чести предпочитают... Несытая алчба корысти до того дошла, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие – предводительством судей, а потворство и упущение – одобрение беззаконникам; в таком достойном сожаления состоянии находятся многие дела в Государстве и бедные утесненные неправосудием люди, о чем Мы чувствительно соболезнуем, как и о том, что Наша кротость и умеренность в наказании преступников такое Нам от неблагодарности приносит воздеяние». Сенату императрица повелевала принять меры «к пресечению общего вреда» и «все силы свои и старания употребить к восстановлению желанного народного благосостояния».

На другой день Конференция подала императрице доклад о повышении в чинах ряда лиц, в числе которых значились губернаторы А. Пушкин и П. Салтыков. Но Елизавета, напротив того, приказала расследовать деятельность их обоих, так как они «свои губернии разорили или разграбили».

Это были последние всплески государственной активности Елизаветы Петровны. Конец 1760-го и 1761 год прошли в мучительной борьбе стойкого организма императрицы с несколькими тяжелыми недугами, постепенно сводящими ее в могилу. Помимо астмы и, вероятно, диабета, Елизавета Петровна в последний год своей жизни ежемесячно страдала припадками эпилепсии, после которых по несколько дней пребывала в бесчувственном состоянии. Двенадцатого декабря 1761 года «вдруг сделалась с нею жестокая рвота с

кашлем и кровохарканьем». Врачи прибегли к кровопусканию и увидели, что «во всей крови ее было уже великое воспаление». В последующие недели Елизавета Петровна испытывала ужасные мучения, которые переносила с твердостью и христианским смирением, говоря, что «страдания сии слишком легки в сравнении с ее грехами». Умиравшая императрица иногда находила в себе силы для государственных дел, и одно из последних ее решений было продиктовано заботой о простом народе. Шестнадцатого декабря она объявила амнистию виновным в корчемной продаже соли и приказала Сенату изыскать средства для замены обременяющего народ соляного сбора. Почувствовав наступающую кончину, Елизавета Петровна исповедалась, причастилась, соборовалась и вечером 24 декабря приказала дважды прочесть себе отходную молитву, повторяя ее слова вслед за священником. Она умерла на следующий день в праздник Рождества.

Добрая память о дочери Петра Великого сохранилась в сердцах ее подданных и перешла к последующим поколениям. Старший современник А.С. Пушкина Ф.Ф. Вигель писал: «Я знавал людей, кои помнили еще царствование Елизаветы Петровны и со слезами умиления вспоминали о нем... Ей было ведомо искусство делать подданных счастливыми и заставлять чужие народы уважать имя русское». П.И. Бартенев рассказывал, как однажды Александр III спросил его, «правда ли, что преподававший ему некогда Русскую Историю С.М. Соловьев переносил свою приверженность с Екатерины на императрицу Елисавету Петровну. Я в ответ позволил себе сказать, что, как человек Русский, Соловьев не мог относиться к этой Государыне иначе как с благодарным сочувствием... Знал я стариков, говоривших, что их отцы называли Елизавету Петровну мудрою, тогда как Екатерину мудреною».

Дочь Петра Великого вряд ли можно признать выдающимся человеком по талантам и трудолюбию, поскольку ее личная инициатива в государственных делах прослеживается слабо. В большинстве случаев императрица отзывалась на потребности текущего момента, следуя рекомендациям своих советников. В целом ее политике свойствен умеренный консерватизм с оглядкой на ориентиры петровской эпохи. Стремление к собственному реформаторству было ей чуждо, хотя она и удовлетворяла многие насущные нужды страны. По складу характера и мышления Елизавета являлась реалисткой: она прекрасно разбиралась в людях и трезво оценивала происходящее. Ей практически не присущи такие распространенные черты правителей, как упрямство и самодурство, поскольку в большинстве случаев она умела отделять свои пристрастия и предубеждения от интересов дела и руководствовалась здравым смыслом. Осторожность и недоверчивость предохраняли ее от ошибок, а природный ум и интуиция подсказывали правильные решения. Дочь Петра I глубоко чтит память великого отца и искренне считала себя продолжательницей его дел, находя уже в самом своем происхождении обоснование величия собственной власти. Неглавными двигателями государственной деятельности Елизаветы Петровны являлись убежденный патриотизм и сознание своей миссии монарха.